

Фельдграу Дуофюр никогда не колебался перед лицом врага.

Пули, сотканые из магической энергии, имели тёмно-алый цвет, по их поверхности пробегали огненные узоры. В момент, когда они покидали ствол, их скорость возрастала до ужасающей — и, прежде чем оказывался достигнут лоб фигуры, возникавшей на изрезанной неровностями ледяной поверхности, проходило меньше одной десятой секунды.

Эта доля мгновения могла быть растянута до бесконечности.

Таков был пассивный талант высокоуровневого оружейного мастера — «время пули».

С того мгновения, как пуля вылетала из ствола, и до того, как достигала цели, мысли и движения стрелка ускорялись в десятки, даже сотни раз.

Разумеется, со стороны самого мастера всё выглядело так, будто цель и всё окружающее внезапно замедлились во столько же раз.

Не так далеко от него, на гребне замершей ледяной волны, также возникший в «замедленном мире» силуэт демона выглядел особенно жутко из-за неровной поверхности льда.

Фельдграу мог осознать эту жуткость, но как бы он ни вглядывался, не мог рассмотреть его точный облик. Сколько бы ни пытался, он лишь воспринимал некий образ молодого человека, мужчины.

Только глаза этого «молодого человека» были отчётливо видны — серебристые, как полированные металл, радужки, отражавшие холодный блеск, и чёрные, как бездонные тоннели, зрачки, будто ведущие в другой мир.

Эти глаза смотрели прямо на него.

Фельдграу не отвёл взгляда — наоборот, стал внимательнее изучать невиданного прежде монстра.

Способность, вмешивавшаяся в его зрение, была необычна.

«Откуда это существо? Каким тёмным богом порождено? Появятся ли впредь другие подобные монстры?»

Если да, то он — первый, кто с ними столкнулся. Это даже можно считать удачей.

Ему следовало понять способности и слабые места данной новой твари, чтобы внести сведения в архив Инквизиции — как предупреждение для других инквизиторов.

Фельдграу был полностью готов к ответной атаке демона.

Но дождался он лишь того, что под пулей разлетелся в крошево лёд — и вместе с ним размножились серебряные глаза.

На каждом осколке замерзшего льда распаивалось по глазу. Все они одновременно моргнули, отражая в себе фигуру Фельдграу, словно в бесчисленных зеркалах.

Не успев толком осознать, он уже собирался выхватить дробовик «Громовой чих», но глаза вдруг сомкнулись.

Фельдграу, разумеется, не закрыл своих, однако в тот же миг исчезло всё — застывшее море, тела монстров, а также тот огромный купол, чьё появление в первые секунды даже потрясло его рассудок.

Он провалился в беззвучную темноту.

Мгновение спустя тьма рассеялась, и перед ним вновь раскрылся ярко освещённый алхимическими лампами просторный ритуальный зал.

Фельдграу инстинктивно сжал рукоять оружия. Его благословлённые глаза подтвердили: происходящее не было иллюзией.

Он помнил, что, прежде чем попасть в то странное место, ритуал под руководством Яркитог и Линя лишь начинался. Теперь же всё выглядело так, будто прошло уже какое-то время, а сам процесс пришлось даже ненадолго прервать.

Яркитога наблюдала за ним — в ожидании.

Линь поддерживал ритуал, слегка повернув лицо к нему. Его плотно сжатые губы и напряжённые движения тела выражали беспокойство.

Видимо, Яркитога задала ему вопрос, на который он не ответил.

Фельдграу не ослабил хватку на оружии, обдумывая, куда именно он только что попал.

То, вероятно, было сновидением, вызванным утечкой силы «Раковины», а прозрачное щупальцевидное чудовище, несомненно, принадлежало области Девы Серебряной Луны.

Но то существо с серебряными глазами и странной способностью — такого он ещё не встречал.

Хотя оно и не напало на него, даже наоборот, будто помогло покинуть сон, Фельдграу всё же сохранял крайнюю настороженность. Но об этом пока не стоило говорить Линю и Яркитоге.

Он спокойно произнёс:

— Директор Яркитога, повторите, пожалуйста, что вы сейчас сказали?

— Вернулся, значит, — цокнул Моисей.

Он обратился к Линю:

— Посмотри на него, сплошная жажда убийства. Такого, как этот безумный слуга Близнецов Диссонанса, хоть в глубочайшие катакомбы брось — всех призраков с мертвецами перебьёт и живым выйдет. Чего ты вообще за него переживаешь? Лучше переживай за себя.

При этих словах бывший апостол умершей богини снов даже почувствовал некоторое разочарование.

— Как ты его вытащил? — спросил он. — Он тебя не заметил? Не ранил?

«Какой же он... красивый», — подумал Линь.

Моисей:

— ?

В тот миг, когда Фельдграу без колебаний выстрелил, сочетание красоты и смертельной угрозы в его облике произвело на Линя сильнейшее впечатление. Теперь Линь прекрасно понимал, почему у верховного инквизитора было столько поклонниц в Шпиневиле.

Моисей:

— ...

Девятисотлетний старый русал не мог понять нынешнюю молодёжь, но ухватил главное:

— Он в тебя стрелял? — уточнил он, и, вопреки своей обычной раздражительности, даже обеспокоенно добавил: — Ты точно цел?

«Если вспомнить нашу первую встречу — тогда Моисей не знал, кто я такой, но всё же спас

меня, когда сам не мог покинуть сон об океане; а теперь снова пытается помочь. За вспышками вспыльчивости, похоже, скрывается заботливая натура».

Линь сдержал данную мысль, чтобы не передать её случайно мысленной связью, и спокойно ответил:

— «Да. Всё оказалось не совсем так, как я ожидал. Когда я принимаю тот облик, даже верховный инквизитор, похоже, не может по-настоящему атаковать меня».

Верховный инквизитор лишь разрушил лёд.

Только лёд — а Око Зазеркалья, покоящееся в его глубине, не пострадало вовсе.

— Хм, это редкость, — произнёс Моисей, обдумывая ситуацию. — Апостол Близнецов Диссонанса, обладая чистым сердцем защитника, воплощает чистую разрушительную силу. Иными словами, весь его урон — истинный. Но на тебя он не подействовал?

До того, как Линь оказался в этом мире, термин «истинный урон» в играх означал урон, игнорирующий любую защиту, сопротивление и уклонение цели.

А в этом мире, где существовали боги и служители, истинный урон точно так же обходил стальные щиты, силовые барьеры, фазовые уклонения, эфирные формы и прочие способности, делающие врага неуязвимым для обычных атак. Такой урон наносил прямой ущерб, без всяких расчётов.

Но подобный истинный урон не смог задеть Линя.

Вернее, не смог задеть Око Зазеркалья.

«Жизней у меня, похоже, теперь с запасом», — подумал Линь, заметив, что Фельдграу посмотрел на него.

— Ещё можешь держаться? — спросил верховный инквизитор, уже полностью подавивший исходившее от него прежде холодное убийственное давление. Его розовые глаза вновь потеплели, лёд в них растаял.

Линь не слышал больше морского прибоя и не ощущал боли в левом глазу. Хотя он всё ещё поддерживал ритуал, редкая за последние дни лёгкость заставляла его чувствовать, как силы быстро возвращаются.

Он сделал жест, означавший, что всё в порядке, и Фельдграу лишь после этого повернулся к Яркитоге:

— Продолжайте. Расширьте зону действия ритуала за пределы центрального отделения.

Расширение за пределы здания означало, что даже если они и обнаружат фрагмент, его нельзя будет отметить на карте, ведь карта охватывала только территорию центрального отделения.

На данном этапе ритуал уже являлся не столько поисковым, сколько призывающим.

А это был самый опасный момент: откликнуться на призыв могло не только то, что они хотели найти, но и жадные демоны, привлечённые магической волной.

Хотя, если подумать, попытка демонов прорваться в центральное отделение Инквизиции, пожалуй, стала бы самой опасной авантюрой для них самих.

Вспомнив, как верховный инквизитор только что уничтожил божественное создание, Линь даже не смог как следует встревожиться. С трудом скрывая улыбку, он вместе с Яркитогой возобновил ритуал.

И, без сомнения, той ночью центральное отделение Инквизиции на втором уровне Шпиневилля уничтожило десятки демонов, прорвавшихся из верхних станций метро, нижних грибных лесов и даже из самого города. Однако нужный им осколок так и не появился — потому что у Линя имелся кое-кто, кто помогал «сжутьничать».

Наступило четыре часа утра. То время, когда многие на мгновение просыпаются, чтобы тут же снова заснуть.

Ритуал наконец завершился.

Большой и малый ритуальные круги, нарисованные на полу особым клейким составом, рассеялись, когда янтарное свечение угасло. Трещина в смоле, покрывавшей «Раковину», вновь была аккуратно замазана чёрной массой.

Моисей, простоявший за спиной Линя всё это время, наконец убрал руку с его левого глаза.

Шум прибоя и боль мгновенно вернулись, и Линь, уже клевавший носом от усталости, тут же пришёл в полное сознание.

Он резко втянул воздух, прижал ладонь к глазу, но, увы, это не помогло — боль не унималась.

С другой стороны ритуального круга Фельдграу, державший в руках «Раковину», с беспокойством посмотрел на него.

Он опасался, что Линь упадёт в обморок, но подойти и поддержать его не решался — «Раковина», которую он нёс, могла бы одним касанием причинить Линю новый приступ боли.

Поэтому Фельдграу ускорил шаг и подошёл к двери.

Там уже ждала высокая крепкая женщина, закутанная в бинты с головы до ног. На ней сидели свободные чёрные шорты и чёрная футболка, а из-под бинтов выбивались пышные каштановые волосы и пара тёмно-коричневых рогов.

Это была директор подразделения печати — Ясна Кале.

— Есть результаты? — прозвучал низкий женский голос из-за бинтов.

Фельдграу покачал головой. Ясна тяжело вздохнула, приняла Раковину и положила ладонь на трещину, покрытую чёрным клеем.

Шум моря сразу стал далеким. Боль осталась, но теперь она была терпимой — той самой, к которой Линь уже привык за последние дни.

А фигура Моисея начала расплываться.

Апостол, проживший более девятисот лет после смерти своего бога... Его существование, несомненно, держалось лишь на остатках сна об океане, оставленного Мелодией Раковины.

Возможно, близость фрагмента позволяла ему временно выйти из этого сна — но именно временно.

«Что же связывает богов и апостолов на самом деле?» — впервые задал себе этот вопрос Линь.

Он воспользовался моментом и спросил:

— «Мистер Моисей! Скажи, почему ты называл меня "семенем"? И почему Шесть Столпов — это именно Шесть Столпов?»

Русал, чей облик становился всё более прозрачным, бросил на него короткий взгляд. Длинные ресницы опустились, скрыв выражение глаз. Он снова избегал его взгляда.

Моисей не ответил про «семя», сказав лишь одно:

— Магия — это скверна.

Каждый служитель получал магическую силу как дар от богов. И сила, дарованная тёмными богами, считалась осквернённой.

Линь знал это — скверна легко передавалась обычным людям, поэтому служителям запрещалось приближаться к телам культистов.

— Нет, — Моисей перебил его мысли об учебниках и правилах внутреннего трудового распорядка.

В голосе русала звучали и гнев, и горечь.

— Это не тёмные боги даруют скверну. Это Шесть Столпов даруют силу, не содержащую скверны.

Ответив данной загадкой, он исчез, не объяснив ничего больше.

Уже измотанный Линь потратил несколько секунд, чтобы осознать смысл услышанного.

Все магические силы по своей природе — скверна. Отсутствие скверны — это и есть отклонение, а не норма.

«Выходит, Шесть Столпов изменили саму природу магии? Или они изначально обладали чистой силой, свободной от скверны, что и стало основой противостояния между ними и тёмными богами?»

В голове Линя рождалась одна догадка за другой, каждая тут же рушилась. Холодный пот выступил на его лбу, мысли закружились в безумном вихре.

В этот момент чья-то сильная рука мягко легла ему на плечо, возвращая к реальности.

— Линь, — тихо произнёс Фельдграу, наклоняясь к нему, — ты в порядке?

Линь, не в силах говорить, лишь кивнул.

Фельдграу протянул ему термос с горячей водой.

— Я понимаю, ты хочешь отдохнуть, — мягко сказал он. — Но потерпи ещё немного. Нам нужно зайти в комнату очищения.